

С.И. Шубин, Ю.А. Перебинос

ЕВРОПЕЙСКИЙ СЕВЕР РОССИИ: К ВОПРОСУ О ВОЛОГОДСКОЙ АЛЬТЕРНАТИВЕ РАЗВИТИЯ РЕГИОНА НА РУБЕЖЕ 1920–1930-х гг.

Рассматриваются исторические условия формирования и реализации региональной политики Советского государства в 1920–1930-е гг. на территории Европейского Севера России. Анализируются альтернативные варианты развития региона, предложенные руководством Вологодской губернии и не принятые центральным правительством 90 лет назад, но сохраняющие свою актуальность в условиях выработки современной стратегии пространственного развития Российской Федерации.

Ключевые слова: советская модернизация; Европейский Север России; Вологда; Архангельск; Северный край (1929–1936 гг.); экономическое районирование; политическое районирование.

Современное совершенствование регионального и пространственного развития России невозможно без учета исторического опыта, в том числе без извлечения уроков социально-экономических преобразований, проводимых Советским государством в 1920–1930-е гг. Без глубокого анализа объективных и субъективных факторов формирования территориальной структуры государства предшествующих этапов сложно осуществлять современную эффективную общенациональную и региональную политику. Так, еще двести лет назад русский историк, статистик и географ, действительный член Российской академии, академик Петербургской Академии наук К.И. Арсеньев писал: «Безопасность внешняя и спокойствие народа внутри государства много зависит от правильного и с благоразумием устроенного разделения государства на части» [1. С. 158]. Действительно, административно-территориальная структура – «не явление природы, а создается людьми... для определенных целей» [2. С. 330], при этом границы между регионами и внутри них – это «не просто линия, проведенная на карте, а способ организации территории... Удачно проведенная граница содействует поставленной перед ней цели, неудачно – мешает» [3. С. 120]. В связи с этим проблемы пространственного развития в широком его понимании сохраняют свою научную и практическую актуальность как в России, так и за рубежом.

На современном этапе вследствие огромной территории России, ее природного и этнического разнообразия, разной плотности населения, уровня его социально-экономического, политического и культурного развития, организация регионального управления по-прежнему является одним из важнейших факторов государственного строительства. Вместе с тем на данный момент степень научной разработанности темы районирования 1920–1930-х гг., на наш взгляд, недостаточна. В период СССР отечественные авторы были вынуждены рассматривать происходившие административно-территориальные изменения сугубо справочно, комплиментарно, фиксируя принятые органами власти решения. Исключение составляет литература 1920-х гг., привлечение которой сегодня сквозь призму документальных и статистических источников позволяет глубже представить развитие Европейского Севера России и страны в целом в исследуемый период.

С конца 1990-х гг. интерес к проблемам административно-территориальных преобразований значительно возрос. В настоящее время имеются многочисленные публикации по вопросам исторического прошлого, современного состояния и дальнейшего совершенствования районирования в контексте социально-экономического и политического развития России в целом и ее Европейского Севера в частности. Однако в научной литературе еще так и не нашли должного анализа причины перехода от экономического к политическому районированию и степень влияния данного перехода на процесс советской модернизации 1920–1930-х гг. В этой связи целью данного исследования является анализ трансформации региональной политики, ее влияния на социально-экономическое развитие Европейского Севера России в целом и Вологодчины в частности.

Советской модернизации 1920–1930-х гг. предшествовало в значительной степени стихийное изменение административно-территориального деления Европейского Севера России, в ходе которого Вологодская губерния после революционных событий 1917 г. утратила часть своей территории. Так, в 1918 г. Народным комиссариатом внутренних дел РСФСР (далее НКВД РСФСР) было утверждено постановление съезда пяти уездов губернии – Великоустюгского, Никольского, Сольвычегодского, Усть-Сысольского и Яренского – о выделении их в самостоятельную Северо-Двинскую губернию с центром в Великом Устюге [4]. В 1921 г. в состав образованной Автономной области Коми (Зырян) был включен Усть-Сысольский уезд, до этого также входивший в состав Вологодской губернии [5. Д. 2. Л. 1–24, Д. 6. Л. 1–2]. По прошествии времени очевидно, что изменение границ Вологодской губернии после 1917 г. не было достаточно взвешенным и продуманным решением. В дореволюционных границах территория губернии лучше вписывалась в социоландшафт России.

С началом проведения новой экономической политики процесс подготовки и проведения нового административно-территориального обустройства исходил, по преимуществу, из экономической целесообразности, и в связи с этим получил наименование «экономическое районирование». Один из его видных теоретиков и практиков Б.Н. Книпович отмечал: «Проблема районирования выдвинулась в настоящее

время на первый план и занимает не только научно-теоретическую мысль: она приобрела теперь чрезвычайно актуальное практическое значение. Можно без преувеличения сказать, что почти все ведомства занимаются в настоящее время вопросами районирования» [6. С. 3]. Стоит признать, что после революционного, во многом стихийного дробления территорий административно-территориальные преобразования эпохи нэпа носили более взвешенный характер. При их реализации учитывались научные наработки дореволюционного развития в сочетании с требованиями современности. Важно подчеркнуть, что территориальное управление в первой половине 1920-х гг. осуществлялось на стыке общегосударственных и региональных интересов. Являясь органичной составляющей политики нэпа, экономическое районирование способствовало процессу установления взаимопонимания между северными регионами, укреплению интеграционных связей между ними.

Реализация идей экономического районирования на Европейском Севере России в первой половине 1920-х гг. приносила свои положительные результаты. В частности, успешно функционировал трест «Северолес», в распоряжение которого был передан практически весь лесной фонд Европейского Севера России. «Северолес», помимо внутри региональной организации производства, имел достаточно прочные связи с зарубежными компаниями. Так, на Севере работали три совместных концессии: Русснорвеголес, Руссанглолес и Руссголландлес. Им были сданы в аренду около 10% лесной площади «Северолеса» [7]. При этом половина акций принадлежала государству в лице «Северолеса», а половина зарубежным концессионерам. Концессии должны были самостоятельно организовать заготовку и переработку древесины для экспорта пиломатериалов за рубеж, с чем в основном успешно справлялись. Доля древесины, заготовливаемой концессиями, составляла более 10% от заготавливаемой «Северолесом». Доля экспорта была выше и составляла соответственно в 1922/23 г. – 20%, 1923/24 г. – 14%, 1924/25 г. – 13% [8. С. 127]. Концессии обеспечивали занятость порядка 30 тыс. человек, что составляло почти половину всех работающих на государственно-капиталистических предприятиях в СССР [7].

В ходе подготовки к реализации экономического районирования на Русском Севере достаточно активно и результативно работало межрегиональное подготовительное совещание, в состав которого были откомандированы по четыре представителя от Архангельской, Вологодской, Северо-Двинской губерний и Коми автономной области. Местом его работы была определена Вологда. Первоначально его возглавлял председатель Вологодского губернского исполнительного комитета Советов (далее губисполком, ГИК) А.В. Анохин [9. Д. 77. Л. 36]. Координацию деятельности северян осуществляла Северо-Восточная секция Госплана. Благодаря ее деятельности между центром и местными органами власти было достигнуто принципиальное согласие об образовании Северо-Восточной области в составе Архангельской, Вологодской, Северо-Двинской губерний и Коми автоном-

ной области. Большую роль в подготовке реализации этого соглашения сыграли совещания (на Севере их называли съездами) губернских плановых комиссий, которые проходили в Вологде, Архангельске и Москве в течение 1923–1924 гг. [9. Д. 77. Л. 36–48; Д. 69. Л. 42, 62–63; 10. Д. 479. Л. 87].

Следует отметить, что работа на местах велась в тесном сотрудничестве с представителями центра и крупными учеными. В частности, на межрегиональных совещаниях по проблемам районирования Севера принимал активное участие и выступал с докладами известный ученый, академик Иван Григорьевич Александров. При обсуждении вопроса в Госплане РСФСР докладчиком был доктор географических наук, профессор Николай Николаевич Колосовский, который возглавлял секцию экономического районирования Госплана. Необходимость объединения Северо-Двинского, Печорского и Беломорского бассейнов в единый край ученый обосновывал, исходя из учета исторической общности хозяйственного освоения и заселения территории. Перспективы региона он связывал с формированием «единого территориального народно-хозяйственного комбината» [10. Д. 479. Л. 87]. Это открывало бы, по его мнению, благоприятные перспективы взаимовыгодного развития для всех субъектов Русского Севера и страны в целом.

Такой взвешенный экономический подход к форме территориального управления положительно воспринимался руководством Вологодской губернии, которое предполагало постепенную встречную колонизацию края: с юга на север должно было продвигаться население со всем своим демографическим и социально-экономическим потенциалом. Навстречу – с севера на юг – предполагалось развивать регионообразующую лесопромышленную отрасль края, которая должна была в комплексе с развитием энергетики, транспорта, сельского хозяйства, социально-бытовой инфраструктуры решать как внутренние, так и внешние проблемы региона и страны в целом. В этой связи воложане вполне разумно подчеркивали: «Нельзя подчинять общий вопрос о лесном хозяйстве края частному – проблеме города Архангельска как пропускного пункта экспортного леса. Валюту государство получает не из Архангельска, а от лесного хозяйства края. Все неудобства управления из Архангельска приведут к усилению накладных расходов, а тем самым к понижению ввоза валюты» [11. С. 127].

Реализовать планы экономического подхода к районированию помешало изменение высшим руководством страны социально-политического курса – переход с января 1929 г. от нэпа к политике, предполагавшей форсированное строительство социализма, что в истории получило наименование «великий перелом». Подготовку смены курса центральные органы власти начали еще в середине 1926 г. Так, уже 31 мая 1926 г. Президиум ВЦИК предписал в двухнедельный срок ликвидировать «организационные бюро и плановые комиссии, функционирующие в образуемых в порядке районирования областях» [12. Д. 212. Л. 2]. В связи с этим период с середины 1926 до начала 1929 г. являлся переходным, в его рамках сторонниками Сталина в ЦК ВКП (б) велась борьба против правой оп-

позиции в центре и осуществлялись мероприятия по подготовке «великого перелома» на местах.

В результате на переходном этапе выявились разногласия между центральным и региональным руководством по вопросу о перспективах социально-экономического развития Русского Севера. Столкнулись два далеко неоднозначных подхода. Позиция центра состояла в том, чтобы превратить Европейский Север России в лесоэкспортную зону, в «деревянный Донбасс», «лесовалютный цех страны», как основной источник средств для ускоренной индустриализации [11. С. 98–214]. Высшее руководство страны рассматривало природные, прежде всего лесные, ресурсы Севера как объект тотальной эксплуатации для нужд экспорта. Главным проводником такой политики в регионе стал Сергей Адамович Бергавинов, бывший инструктор ЦК ВКП (б), в мае 1927 г. избранный секретарем Архангельского губкома, а с образованием Северного края в 1929 г. возглавивший краевую партийную организацию [13. Д. 1667. Л. 64]. Он признавал трудности реализации курса на трансформацию политики центра применительно к формированию укрупненного региона, отмечая, что борьба велась не только в Москве, но и с соседями, «которые были против нас» [13. Д. 1993. Л. 277]. Действительно, руководство Вологодской и Северо-Двинской губерний выступало против односторонней экономической специализации края [13. Д. 1993. Л. 111–112]. Партийно-советская элита Коми области также высказывала опасения относительно дальнейшего развития коми народа в случае её включения в Северный край и сужения отраслевой специализации региона [14. С. 80–81].

Региональное руководство, в противовес позиции центра, отстаивало необходимость более комплексного развития Севера, постепенную колонизацию края и его разумную интеграцию в общероссийское социально-экономическое пространство с учетом имеющихся ресурсов и традиционной занятости местного населения. Не случайно использование богатств во благо страны северяне собирались в ходе районирования «обставить такими условиями, которые не позволили бы истратить их раньше времени и этим самым не лишит население основных источников существования и улучшения благополучия» [15. С. 4]. Таким образом, на переходном этапе принципиальные разногласия между центром и регионами заключались в том, что московское руководство в своей региональной политике исходило уже из цели сугубо потребительской – эксплуатации ресурсов, а руководство северных губерний, за исключением Архангельской, настаивало на учете региональных интересов.

Каждая из сторон, преследуя указанные выше цели и отстаивая определенную концепцию развития региона, вносила в Госплан, Президиум ВЦИК и центральные партийные органы свои проекты. В этой связи особенно взвешенной, разумной и продуманной выглядела позиция Вологды, экономика которой была, говоря современным языком, наиболее диверсифицированной. Руководство Вологодской губернии, учитывая произошедшие изменения в региональной

политике центральной власти, стремилось доказать ущербность ее упрощенного подхода и предлагало более внимательно учитывать особенности северных территорий. В докладной записке Вологодской губернской плановой комиссии [16], утвержденной губисполкомом и направленной в центральные органы власти в мае 1928 г., была предпринята попытка преодолеть традиционный взгляд, сложившийся в Москве и Архангельске, на мнимую хозяйственную однородность огромной территории – от северных границ Центрально-промышленной области до Белого моря и Ледовитого океана, от Карелии до Урала. В документе подчеркивалось, что этот «неправильный по существу и трудный для преодоления в силу своей традиционности взгляд представляет опасность при спешности проводимой работы по районированию» [16. С. 1]. При этом создание на этой основе единой области в составе Архангельской губернии, автономной области Коми и земледельческих Вологодской и Северо-Двинской губерний, по мнению вологжан, в лучшем случае, не сможет обеспечить действительного развития всех заложенных в ней хозяйственных возможностей, а в худшем – может явиться тормозом экономического развития включенных в нее обширных районов. В связи с разнородностью указанных районов, они не могут образовать единый комбинат, так как древесина, перемещаемая из пределов Вологодской и Северо-Двинской губерний в Архангельскую, не обслуживает внутренних потребностей богатых лесами губерний, а идет лишь транзитом на экспорт. Стягивание большой массы необработанной древесины к Архангельску происходит, в значительной мере, в силу исторической инерции [16. С. 24–26, 40]. Весьма актуальным для сегодняшнего дня выглядит суждение вологжан о том, что хозяйственная рационализация производства должна заключаться в приближении лесоперерабатывающих заводов к лесным массивам [16. С. 40].

Анализируя экономическую структуру региона, авторы записки подчеркивали ее неоднородность: Архангельская губерния базировалась на промысловых занятиях населения, на лесной промышленности, работающей на экспорт; Коми область выделяется в самостоятельную единицу по сумме признаков национальных, а также с перспективой развития горной промышленности; Вологодская и Северо-Двинская губернии характеризовались как лесоземледельческий район. Для него были характерны однородность естественно-географических условий, однородность занятий населения, рост сельского хозяйства и его товарности в части льна и продукции животноводства. Подчеркивалось наличие условий для развития дальнейшей колонизации: возрастание связи товарного сельского хозяйства с промышленными центрами; присутствие трудовых, топливных ресурсов и близость их к внутренним рынкам; общность интересов в вопросах развития дорожного строительства и транспорта; интенсивное развитие лесного хозяйства с тенденцией на снабжение внутренних рынков и на экспорт через ленинградский порт [16. С. 41–42]. Исходя из новых условий районирования, вологодское руководство считало нецелесообразным включение севе-

ро-двинцев и вологжан в единую, укрупненную административно-территориальную единицу [17. Д. 1150. Л. 68, 68 об.; Д. 1858. Л. 47]. Однако все доводы противников объединения, и особенно вологжан, не были учтены: 18 и 20 июля 1928 г. Госпланы РСФСР и СССР приняли решения о необходимости образования Северо-Восточного края в составе Вологодской, Архангельской и Северо-Двинской губерний и автономной области Коми с центром в г. Архангельске [18]. Вологодское руководство было вынуждено подчиниться и согласиться с включением своей губернии в новый край [13. Д.1858. Л. 15–16]. Однако учитывая, что резолюции Госпланов еще не были утверждены ВЦИК и ЦК ВКП (б) – высшими органами государственной и партийной власти, разногласия перетекли в русло споров об административном центре нового образования. Усилия вологжан сосредоточились на том, чтобы центром новой области стала Вологда, а не Архангельск.

На заседании пленума Вологодского губернского комитета ВКП (б) от 29–30 сентября 1928 г. было принято специальное постановление «О центре Северо-Восточной области», в котором, в частности, отмечалось, что «пленум считает решение Госплана о создании административного центра в Архангельске экономически необоснованным и территориально создающим исключительные неудобства по управлению областью, и потому не отвечающим интересам развития края». Пленум высказался за создание областного центра в г. Вологде «как наиболее удобном географически и как наиболее отвечающим интересам развития края», при этом пленум ГК поручил губисполкому «отстаивать эту точку зрения перед центральными организациями» [13. Л. 16].

Во исполнение данного постановления Вологодской губернской плановой комиссией была подготовлена достаточно объемная брошюра «О центре Северо-Восточной области» [19], содержание которой тоже заслуживает внимания и сохраняет актуальность по сей день. Плановая комиссия, опираясь на предыдущие аргументы, подготовила подробное и обширное обоснование о необходимости сделать столицей Северо-Восточной области Вологду. В брошюре, в частности, отмечалось, что было бы недопустимой хозяйственной и политической ошибкой перенести центр управления края в приморскую зону, отделенную громадной полосой необжитого пространства от населения южной половины края [19. С. 5–6].

Данный тезис был подкреплен объективными статистическими данными: в южной половине региона было сосредоточено 12 из 15 городов и 80% населения. Действительно, по переписи 1926 г. население Вологодской губернии составляло 1 053 832 человека, Северо-Двинской – 678 107 человек, что в совокупности в четыре раза превосходило численность населения Архангельской губернии (429 184 человека) [20. С. 4]. Здесь же, на юге Русского Севера, находились основная масса доступных для эксплуатации и ценных по качеству лесов, почти все сельское хозяйство, главная часть местной промышленности, почти вся торгово-сбытовая, снабженческая и заготовительная работа, почтовые, культурные, транспортные, хозяй-

ственные и административные учреждения не только местного, но и краевого значения. Сравнивая расстояния от Вологды и Архангельска до Москвы и Ленинграда, вологодские плановики достаточно убедительно раскрывали преимущества Вологды для внутрикраевой связи, отметили большое значение ее как центра кооперации Севера, объемы которой более чем в пять раз превышали архангельские [19. С. 9, 14].

В брошюре также было уделено много внимания перспективам развития лесного хозяйства, ради которого и планировалось создание края. Вологжане настаивали на том, чтобы развивать лесопромышленный комплекс не только в направлении экспорта леса, но и для внутренних потребностей страны и региона. С этой точки зрения и для государства в целом, и для края нахождение центра в Вологде выгоднее, чем в Архангельске: Вологда, являясь крупным железнодорожным узлом, расположенная на границе, разделяющей леса Севера по их тяготению на экспорт и внутренний рынок, могла более разумно и сбалансировано распорядиться богатствами Севера [19. С. 16–18]. Напротив, Архангельск ни по торговому, ни по транспортно-грузовому назначению не являлся центром края. Охват его торгово-транспортных операций, кроме лесосплава, не выходил за пределы своей губернии.

Кроме того, составители брошюры акцентировали внимание на способах эксплуатации лесных ресурсов края. «Архангельский» вариант означал, что центром лесопиления останется Архангельск, куда будет доставляться древесина из вологодских и северо-двинских лесов, причем подчеркивалось, что способы доставки являются «задерживающими развитием экспорта», «наиболее экстенсивными, вредными для лесного хозяйства формами лесоэксплуатации». Имелся в виду сплав сырья – необработанного леса по рекам. Позиция вологодских специалистов заключалась в том, что «если и впредь мы будем рассчитывать на нашу экспортную программу на сырьевой базе только прибрежных лесных районов и не будем уходить вглубь лесов, создавая там лесную промышленность, то в ближайшие же годы мы поставим государство перед фактом наибольшего сокращения наших экспортных программ» [19. С. 18–20, 24]. В связи с этим эксперты Вологодской губернской плановой комиссии предлагали вариант использования лесных ресурсов Севера путем создания «на местах производственных лесных комбинатов и приближение их к лесным массивам». Причем естественным центром, где «в ближайшем будущем должна будет главным образом развиваться крупная комбинированная деревообрабатывающая промышленность», назван Котлас, так как он географически является центральным речным узлом края – местом скопления густой сети сплавных рек.

С точки зрения вологжан, именно отсюда различные сорта и виды обработанной древесины одинаково рационально смогут быть направлены, с одной стороны, по Северной Двине на Архангельск, с другой – «при осуществлении намечаемых проектов железнодорожных магистралей – на Москву, на юг и на Ленинград» [19. С. 25]. В брошюре было учтено и то,

что страдающие от избытка сельского населения земледельческие районы южной части региона быстрее и эффективнее, чем редконаселенные районы Крайнего Севера, обеспечат необходимой рабочей силой и саму промышленность, и лесоразработки.

Авторы вологодской брошюры были не согласны и с недооценкой сельского хозяйства новой области в связи с выбором регионального административного центра. Прочитывая аргументацию архангелогородцев о том, что «сельское хозяйство не может считаться решающей отраслью хозяйства при выборе областного центра, не сельское хозяйство является основной специализацией края», вологжане не без основания задались вопросом: «Каким образом можно вообще игнорировать областной характер регулирования сельского хозяйства в то время, когда оно занимает подавляющую массу населения края?» И сами на него ответили: «Совершенно непостижимо. Поистине, лес закрыл людей. Сосредоточить разрешение этих вопросов в Архангельске – это значит оторвать и удалить внимание центра от основных социальных сил земледельческой, более населенной полосы края и тем самым лишить его возможности понимания результатов регулирующего воздействия» [19. С. 22–23].

В числе причин, способствующих перенесению столицы Севера в Вологду, в брошюре отмечался тот факт, что на ее территории тогда располагались представительства многих всероссийских организаций, причем некоторые из них переехали из Архангельска в 1926 г., когда в связи с прекращением кампании экономического районирования были ликвидированы областные органы в Архангельске. Все они принципиально высказывались за Вологду как единственно возможный центр укрупненной области. Такое предпочтение обосновывалось меньшими затратами на содержание управленческого краевого аппарата, так как Вологда географически была ближе к Москве и потому тарифы оплаты труда там были ниже. Во внимание принимались и налаженные уже бытовые условия жизни управленцев в Вологде: обеспечение жильем, питанием и т.д. Наконец, учитывалась и большая безопасность Вологды в случае военной угрозы, тем более что захват Архангельска интервентами был еще свеж в памяти [19. С. 9–10, 29–35].

Исходя из всего вышеизложенного, специалисты Вологодской губернской плановой комиссии считали «принятое Госпланом решение об образовании центра Северо-Восточного края в Архангельске неправильным» и настаивали «на признании центром Северо-Восточного края гор. Вологды» [19. С. 31].

Аргументацию вологжан фактически поддержал известный экономист, профессор Н. М. Тоцкий, который отмечал, что «нельзя признать правильным ориентировку экономики СВО (рыбные и звериные промыслы, используемый иностранцами лесозэкспорт, экспорт продукции животноводства, молочного хозяйства и пр.) на иностранный рынок» [21]. Он подчеркивал: «Подведение итогов лесным богатствам Европейской части СССР приводит к убеждению, что старый взгляд на неисчерпаемые богатства их должен быть отвергнут, наступил момент, когда не только

южная, но и средняя полоса Европейской части СССР становятся заинтересованными в лесном хозяйстве СВО» [21]. Подобной точки зрения придерживался и председатель Госплана СССР Г.М. Кржижановский, на что указывал известный художник и исследователь Севера А.А. Борисов [22].

Однако разумные аргументы вологодского руководства о преимуществах Вологды в качестве краевого центра перед Архангельском были отвергнуты. 15 ноября 1928 г. секретарь Архангельского губкома партии С.И. Бергавинов направил в ЦК ВКП (б) письмо с просьбой «об ускорении решения вопроса о районировании края» с центром в Архангельске [13. Д. 1844. Л. 146–147]. После того, как 10 декабря 1928 г. было принято решение Оргбюро ЦК ВКП (б) о создании Северного края, руководители Вологодской губернии и Коми автономной области подали протест в Политбюро [13. Л. 189]. В свою очередь, 12 декабря С.А. Бергавинов направил в Политбюро докладную записку с анализом возражений против создания Северного края с центром в Архангельске, в заключение которой подчеркнул: «Архгубком горячо поддерживает решения Госпланов, Комиссии т. Смирнова и Оргбюро ЦК о районировании Северного края» [13. Л. 189–191]. В подкрепление этой позиции 28 декабря 1928 г. и 18 января 1929 г. в адрес ЦК из Архангельска были направлены еще две докладные записки «О состоянии лесозэкспорта и его развитии». В первой подчеркивалась «Экономическая особенность Северного края и главным образом Архангельской губернии как основных баз (50%) лесных массивов СССР, разрабатываемых на экспорт. Северный край по своей лесистости занимает исключительно выгодное положение... благодаря пересечениям прекрасной сетью водных артерий и не внушающих НИКАКИХ [выделено С.Б. – *Авт.*] опасений в отношении истощения лесосечного фонда» [13. Д. 1992. Л. 193]. Во второй записке Бергавинов писал: «ЦК правильно жмет на экспорт, т. Каганович прислал телеграмму, спрашивая, что мы делаем по лесозэкспорту, а т. Молотов при встрече со мной вместо ответа на мое приветствие неизменно отвечает “Бергавинов, лесу, лесу больше давай”» [13. Д. 1845. Л. 81].

Обращает на себя внимание тот факт, что ни Бергавинов, ни кто-либо из архангельских чиновников не принимали очного участия в обсуждении на Политбюро такого важного для Севера вопроса. Это свидетельствует о том, что вопрос о столице края в пользу Архангельска был предрешен, а уверенность Бергавинова в исходе дела опиралась на то, что он выступал ретранслятором позиции центра по отношению к вопросу о Северном крае и его административной столице. Это нашло подтверждение на XIII, заключительной, Архангельской губернской партийной конференции, состоявшейся в начале января 1929 г. «Какой характер носит наш спор с Вологдой? – задавал вопрос в заключительном слове Бергавинов. И сам отвечал: «Некоторые склонны рассматривать, что тут просто борьба за влияние в районе, за признание того или другого города центром. Дело обстоит не так, товарищи. Эти споры носят глубокий принципиаль-

ный характер, отражают различный подход к хозяйству Севера: наша точка зрения – создать Северный лесной край с направлением продукции на экспорт; вологодская точка зрения – создать Северную сельскохозяйственную и лесную область с направлением продукции и на экспорт, и на внутренний рынок» [13. Д. 1992. Л. 194].

Разница в подходах к развитию Европейского Севера России и предопределила решение вопроса в пользу Архангельска. 3 января 1929 г. решение Оргбюро было утверждено на заседании Политбюро [23. Оп. 3. Д. 720. Л. 5–6], а 14 января 1929 г. постановлением ВЦИК было решено с 1 октября 1929 г. образовать Северный край с центром в г. Архангельске. В его состав вошли Архангельская, Вологодская, Северо-Двинская губернии и автономная область Коми [24].

Из анализа социально-экономических и политических процессов, происходивших в регионе в конце 1920-х гг., следует, что в условиях новой экономической политики, учитывающей интересы и особенности развития регионов, действительно, имелись объективные предпосылки образования Северного края в качестве укрупненного административно-территориального образования, способного интегрировать Европейский Север в рамках цивилизованных социально-экономических отношений. В ходе обсуждения вариантов регионального укрупнения было высказано немало интересных предложений, исходящих как от местных чиновников, так и крупных ученых. Об этом, в частности пишет О.В. Хлевнюк: «Успехи нэпа во многом опирались на сотрудничество опытных специалистов из старой интеллигенции и группы большевистских лидеров, выступающих в середине 1920-х гг. за относительно умеренный курс» [25. С. 34]. В условиях «великого перелома», отмечает В.С. Лельчук, «нэп не просто умер, а был насильственно сломан... чрезвычайные меры стали нормой, типичной чертой общественно-политической и хозяйственной жизни того периода» [26. С. 446]. Складывалась жестко централизованная, авторитарная модель взаимоотношений центра и регионов. Экономическая составляющая укрупнения регионов была выхолощена вместе с региональными кадрами. Несогласие руковод-

ства Вологодской губернии с «москowsко-архангельским» видением перспектив развития региона, активное противодействие его реализации в процессе формирования Северного края явились причиной практически полного устранения вологодских чиновников от власти на Севере.

Включение Вологодской губернии в Северный край, смена региональной элиты привели к серьезным изменениям административного статуса города Вологды и к ее социально-экономическому кризису. В 1929 г. Вологда, утратив статус губернской столицы, стала окружным центром. Однако уже в августе 1930 г. округ был ликвидирован, его районы напрямую подчинены краевым органам власти [27]. Вологда стала городом краевого подчинения [28] и центром сельского района, который, в свою очередь, был ликвидирован в 1932 г. [29]. Столь значительное снижение статуса города привело к оттоку населения, специалистов из города и региона в целом. В результате к середине 1936 г. Вологда занимала последнее место среди городов СССР по естественному приросту населения, а «с февраля по май [1936 г.] смертность в городе превышала рождаемость» [30]. Демографические проблемы административного центра отражали глубокий социально-экономический кризис, в котором пребывала вся Вологодская земля в 1930-е гг. В этой связи образование 23 сентября 1937 г. самостоятельной Вологодской области [31], позволившее вологжанам формировать свою региональную идентичность, благоприятно сказавшееся на жизни населения [32. С. 9], можно считать положительным моментом для развития региона.

Сегодня, в условиях реализации указа Президента «Об утверждении Основ государственной политики регионального развития Российской Федерации на период до 2025 года» и разработки проекта концепции Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2030 г., вологодская альтернатива, наказуемая на рубеже 1920–1930-х гг., сохраняет, на наш взгляд, не только историографический интерес, но и заслуживает более пристального анализа со стороны региональных и федеральных органов власти.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арсеньев К.И. Начертания статистики Российского государства. СПб., 1819. Ч. 2. 292 с.
2. Шубин С.И. Архангельск в региональном и геополитическом пространстве России // Северное регионоведение в современной регионологии / отв. ред. Ю.Ф. Лукин. Архангельск, Высшая школа делового администрирования ИУППК ПГУ им. М.В. Ломоносова, 2005. С. 325–334.
3. Говоренкова Т.М., Савин Д.А., Чуев А.В. Что сулит и чем грозит административно-территориальная реформа в России // Федерализм. 1997. № 3. С. 120–131.
4. Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского правительства (далее СУ РСФСР). 1921. № 1. Ст. 1.
5. Национальный архив Республики Коми. Ф. 1. Оп. 1.
6. Книпович Б.Н. К методологии районирования. М., 1921. 48 с.
7. Санников Л.И. Лесные концессии // Правда Севера (Архангельск). 1999. 21 июля.
8. Макаренко А. Некоторые итоги лесозаготовок 1928–29 гг. в Архангельской губернии // Хозяйство Севера (Архангельск). 1929. Декабрь. С. 125–133.
9. Государственный архив Российской Федерации (далее ГАРФ). Ф. 6984. Оп. 1.
10. ГАРФ. Ф. 3977. Оп. 1.
11. Холодный дом России: Документы, исследования, размышления о региональных приоритетах Европейского Севера / ред.-сост. С.И. Шубин. Архангельск, 1996. 320 с.
12. ГАРФ. Ф. 1235. Оп. 42.
13. Государственный архив Архангельской области. Отдел документов социально-политической истории (далее ГААО. ОДСПИ). Ф. 1. Оп. 1.
14. Кузванова О.Ю., Попов А.А., Сметанин А.Ф. В начале пути (Очерки истории становления и развития Коми автономии). Сыктывкар, 1996. 272 с.

15. А.Ж. Ленин и наш приполярный Север // Северное хозяйство (Архангельск). 1925. № 1. С. 3–4.
16. ГААО. ОДСПИ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1858. Л. 24–47 об. Докладная записка Вологодского губплана «По вопросу областного районирования северных губерний РСФСР». Вологда, 1928. 45 с.
17. ГААО. Ф. 352. Оп.1.
18. На пути к Северо-Восточной области. Беседа с зам. председателя губисполкома т. Кочетовым // Волна (Архангельск). 1928. 26 июля.
19. ГААО. ОДСПИ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1858. Л. 51–66 об. О центре Северо-Восточного края. Издание Вологодской губернской плановой комиссии. Вологда, 1928. 42 с.
20. Всесоюзная перепись населения 1926 года / Центральное статистическое управление СССР; Отд. переписи. Северный район. Ленинградско-Карельский район: народность, родной язык, возраст, грамотность. М.: Изд. ЦСУ СССР, 1928. 303 с.
21. Тоцкий Н. Вопросы районирования центра и Северо-Востока РСФСР // Экономическая жизнь. 1928. 7, 8, 11 июля.
22. Борисов А.А. Железнодорожное строительство на севере Союза // Известия. 1929. 3, 5 февр.
23. Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 17.
24. СУ РСФСР. 1929. № 10. Ст. 116.
25. Хлевнюк О.В. Политбюро. Механизмы политической власти в 30-е годы. М.: РОССПЭН, 1996. 304 с.
26. Лельчук В.С. Послесловие // Такер Р. Сталин. Путь к власти, 1879–1929: История и личность: пер. с англ. М.: Прогресс, 1991. С. 446–452.
27. Собрание законов СССР (далее СЗ СССР). 1930. № 37. Ст. 400.
28. СЗ СССР. 1930. № 42. Ст. 435.
29. СУ РСФСР. 1933. № 36. Ст. 134.
30. ГААО. ОДСПИ. Ф. 290. Оп. 2. Д. 366. Л. 60.
31. СЗ СССР. 1937. № 63. Ст. 276.
32. Наумова О.А. Вологодской области 70 лет: становление органов управления области в начальный период (23 сентября 1937 г. – январь 1940 г.) // Проблемы развития территории. 2007. № 4. С. 5–9.

Статья представлена научной редакцией «История» 12 ноября 2018 г.

The European North of Russia: Revisiting the Vologda Alternative to the Development of the Region at the Turn of the 1930s *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*, 2020, 452, 173–180.

DOI: 10.17223/15617793/452/21

Sergei I. Shubin, Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov (Arkhangelsk, Russian Federation). E-mail: serg1946@atknet.ru

Yulia A. Perebinos, Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service of Russia (Vologda, Russian Federation). E-mail: uliaperebinos@mail.ru

Keywords: Soviet modernization; European North of Russia; Vologda; Arkhangelsk; Northern Krai (Region) (1929–1936); economic zoning; political zoning.

The article presents a historical analysis of the formation and implementation of the Soviet economy modernization during the 1920s–1930s in the European North of Russia. The aim of the study is to analyze the options for the development of the region proposed by the central power and implemented by the Arkhangelsk Governorate Committee, the Regional Committee of the VKP(b) since 1929, and the leaders of Vologda Governorate. The article examines the transformation of the policy the central and regional authorities conducted and its implementation at the stage of the so-called “Great Turn”. The primary focus of the study is on the alternative position of the leaders of Vologda Governorate on the prospects for the socioeconomic development of the European North of Russia and its contradictions with the center and Arkhangelsk on the composition of the emerging Northern Krai (1929–01936) and the location of its administrative center. The methodological foundation for the study is an integrated approach that allowed examining the conflict of interests between the center and the regions of the European North of Russia as an integral part of the history of the state policy. The study is based on archival sources from central and regional archives, materials published in periodicals of the 1920s–1930s. Their study was conducted on the principles of critical interpretation using comparative, problem-chronological, institutional, statistical, and other methods. The authors conclude that the implementation of the integrated development of the European North was hampered by a change in the sociopolitical course introduced by the VKP(b) leadership to depart from the NEP approach and to transform Northern Krai into a timber export zone—the “wooden Donbass”—as a source of funds for accelerated industrialization. The leadership of Vologda defended the need for a more comprehensive development of the territory. However, the sector-specific export specialization of the region with Arkhangelsk as a regional center gained the upper hand. As a result, Vologda Governorate became part of Northern Krai with an administrative center in Arkhangelsk. The disagreement of Vologda Governorate leaders with the “Moscow-Arkhangelsk” vision of the future development of the region, the opposition to its implementation in the formation of Northern Krai were the cause of the Vologda leaders’ dismissal. Inclusion of Vologda Governorate into Northern Krai, the change of the regional elite led to a decrease in the administrative status of Vologda and to the social and economic crisis of the region. Today, in the context of elaborating a strategy for the spatial development of the Russian Federation, the Vologda alternative, rejected at the turn of the 1930s, not only continues to be relevant, but also deserves a deeper analysis on the part of regional and federal authorities.

REFERENCES

1. Arsen'ev, K.I. (1819) *Nachertaniya statistiki Rossiyskogo gosudarstva* [Statistics Databook of the Russian State]. Pt. 2. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences.
2. Shubin, S.I. (2005) Arkhangelsk v regional'nom i geopoliticheskom prostranstve Rossii [Arkhangelsk in the Regional and Geopolitical Space of Russia]. In: Lukin, Yu.F. (ed.) *Severnoe regionovedenie v sovremennoy regionologii* [Northern Regional Studies in Modern Regional Studies]. Arkhangelsk: Higher School of Business Administration, Pomor State University. pp. 325–334.
3. Govorenkova, T.M., Savin, D.A. & Chuev, A.V. (1997) Chto sulit i chem grozit administrativno-territorial'naya reforma v Rossii [The Administrative-Territorial Reform in Russia: Promises and Threats]. *Federalizm*. 3. pp. 120–131.
4. *Sobranie uzakoneny i rasporyazheniy Rabocheho i Krest'yanskogo pravitel'stva*. (1921) 1. Art. 1.
5. National Archive of the Komi Republic. Fund 1. List 1. (In Russian).
6. Knipovich, B.N. (1921) *K metodologii rayonirovaniya* [On the Methodology of Zoning]. Moscow: Gos. izd-vo.
7. Sannikov, L.I. (1999) Lesnye kontsessii [Forest Concessions]. *Pravda Severa* (Arkhangelsk). 21 July.

8. Makarenko, A. (1929) Nekotorye itogi lesozagotovok 1928–29 gg. v Arkhangel'skoy gubernii [Some Results of Logging in 1928–29. in Arkhangelsk Province]. *Khozyaystvo Severa* (Arkhangelsk). December. pp. 125–133.
9. State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund 6984. List 1. (In Russian).
10. State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund 3977. List 1. (In Russian).
11. Shubin, S.I. (ed.) (1996) *Kholodnyy dom Rossii: Dokumenty, issledovaniya, razmysleniya o regional'nykh prioritetskakh Evropeyskogo Severa* [The Cold House of Russia: Documents, Studies, Reflections on the Regional Priorities of the European North]. Arkhangelsk: Pomor State University.
12. State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund 1235. List 42. (In Russian).
13. State Archive of Arkhangelsk Oblast. Department of Documents of Sociopolitical History. Fund 1. List 1. (In Russian).
14. Kuzivanova, O.Yu., Popov, A.A. & Smetanin, A.F. (1996) *V nachale puti (Ocherki istorii stanovleniya i razvitiya Komi avtonomii)* [At the Beginning of the Path (Essays on the History of the Formation and Development of Komi Autonomy)]. Syktyvkar: Komi Scientific Center.
15. A.Zh. (1925) Lenin i nash pripolyarnyy Sever [Lenin and Our Circumpolar North]. *Severnoe khozyaystvo* (Arkhangelsk). 1. pp. 3–4.
16. State Archive of Arkhangelsk Oblast. Department of Documents of Sociopolitical History. Fund 1. List 1. File 1858. Pages 24–47 rev. *Dokladnaya zapiska Vologodskogo gubernskogo gosplana "Po voprosu oblastnogo rayonirovaniya severnykh guberniy RSFSR"*. Vologda, 1928. 45 s. [Memorandum of the Vologda Governorate "On the Issue of Regional Zoning of the Northern Provinces of the RSFSR". Vologda, 1928. 45 p.].
17. State Archive of Arkhangelsk Oblast. Fund 352. List 1. (In Russian).
18. *Volna* (Arkhangelsk). (1928) Na puti k Severo-Vostochnoy oblasti. Beseda s zam. predsedatelya gubispolkoma t. Kochetovym [On the Way to the Northeast Region. Conversation With Comrade Kochetov, the Deputy Chairman of the Regional Executive Committee]. 26 July.
19. State Archive of Arkhangelsk Oblast. Department of Documents of Sociopolitical History. Fund 1. List 1. File 1858. Pages 51–66 rev. *O tsentre Severo-Vostochnogo kraya. Izdanie Vologodskoy gubernskoy planovoy komissiya*. Vologda, 1928. 42 s. [On the Center of the Northeast Region. Edition of the Vologda: Vologda Provincial Planning Committee, 1928. 42 p.].
20. Central Statistical Directorate of the USSR. (1928) *Vsesoyuznaya perepis' naseleniya 1926 goda* [The All-Union Population Census of 1926]. Moscow: Central Statistical Directorate of the USSR.
21. Totskiy, N. (1928) Voprosy rayonirovaniya tsentra i Severo-Vostoka RSFSR [Issues of Zoning of the Center and the Northeast of the RSFSR]. *Ekonomicheskaya zhizn'*. 7–8. 11 July.
22. Borisov, A.A. (1929) Zheleznodorozhnoe stroitel'stvo na severe Soyuzu [Railway Construction in the North of the Union]. *Izvestiya*. 3. 5 February.
23. Russian State Archive of Sociopolitical History. Fund 17. (In Russian).
24. *Sobranie zakonov i rasporyazheniy Rabochego i Krest'yanskogo pravitel'stva*. (1929) 10. Art. 116.
25. Khlevnyuk, O.V. (1996) *Politbyuro. Mekhanizmy politicheskoy vlasti v 30-e gody* [Politburo. The Mechanisms of Political Power in the '30s]. Moscow: ROSSPEN.
26. Lel'chuk, V.S. (1991) Posleslovie [Afterword]. In: Tucker, R.C. *Stalin. Put' k vlasti, 1879–1929: Istoriya i lichnost'* [Stalin as Revolutionary, 1879–1929: A Study in History and Personality]. Translated from English. Moscow: Progress. pp. 446–452.
27. *Sobranie zakonov SSSR*. (1930) 37. Art. 400.
28. *Sobranie zakonov SSSR*. (1930) 42. Art. 435.
29. *Sobranie zakonov SSSR*. (1933) 36. Art. 134.
30. State Archive of Arkhangelsk Oblast. Department of Documents of Sociopolitical History. Fund 290. List 2. File 366. Page 60. (In Russian).
31. *Sobranie zakonov SSSR*. (1937) 63. St. 276.
32. Naumova, O.A. (2007) Vologodskoy oblasti 70 let: stanovlenie organov upravleniya oblasti v nachal'nyy period (23 sentyabrya 1937 g. – yanvar' 1940 g.) [Vologda Oblast Is 70: The Formation of Governing Bodies in the Initial Period (23 September 1937 – January 1940)]. *Problemy razvitiya territorii – Problems of Territory's Development*. 4. pp. 5–9.

Received: 12 November 2018